

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 72 (3256)

Четверг, 17 июня 1954 г.

Цена 40 коп.

Завтра — восемнадцатая годовщина со дня смерти А. М. Горького

Наставник, организатор, друг

«Имя Горького будет всегда связано с жизнью, а не со смертью, поэтому в пятидесятилетнюю дату его кончины хочется говорить о живом Горьком, о его влиянии на умы молодых поколений, о силе его заветов мастерам социалистического искусства, — о Горьком, победившем смерть», — так начал свою статью к пятнадцатой годовщине со дня смерти А. М. Горького замечательный советский писатель П. Павленко. Это глубоко верно. Проходят годы, а слово Горького звучит так свежо и сильно, так волнует сердца людей, как будто оно только сейчас вылилось из-под его пера.

Да, мы попрежнему ощущаем его своим наставником и другом: и когда обращаемся к созданным им бессмертным художественным образам и когда перечитываем его речи, его страстные публицистические статьи, в которых ярко запечатлелся благородный облик писателя-гражданина. Горький был авторитетным, отзывчивым и требовательным учителем советских литераторов, в полном смысле этого слова — организатором нашей литературы, глубоко осознающим свою ответственность и за общий процесс ее развития и за судьбу каждого ее представителя. Он умел с удивительной прозорливостью разглядеть в первых, порой робких и неуверенных опытах начинающего литератора искры свежего дарования, воодушевить его и ободрить. Сколько крупных советских писателей с самого начала своей литературной деятельности чувствовали теплую, дружескую, направляющую руку Горького: Ф. Гладков, К. Федин, П. Павленко, Л. Леонов, А. Макаренко, С. Маршак, Вс. Иванов и многие другие. После выхода первой книжки стихов М. Исаковского Горький с одобрением отметил, что автор — «тот новый человек, который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут». Прочитав очерки корреспондента тверской комсомольской газеты Б. Полевого, он с величайшей внимательностью разобрал их и посоветовал автору учиться, знать свой материал, — язык, слово, — так же, как знает свой материал токарь по дереву или металлу. А как заботливо поддержал Горький талантливого писателя М. Ильина на трудном пути создания научно-художественной книги для детей... Нет, кажется, такого участка литературной жизни, куда бы не заглянул Горький. Он очищал советскую литературу от всего вредного, наносного, что задерживало, тормозило ее рост, поддерживал в ней все свежее, самолюбное, передовое. Он неутомимо отстаивал принципы боевой, высокоидейной, партийной литературы, со всей страстью и убежденностью художника, прочно связавшего свою судьбу с Коммунистической партией, поставившего свой огромный талант на службу советскому народу, Советскому государству. И сегодня, к какой бы области литературной жизни мы ни обратились, мы услышим то предостерегающий, то ободряющий голос Горького.

Вспомним его заботу о моральном и общественном облике советского писателя. Горький не устал напоминать о великой ответственности художника перед народом, о роли писателя в воспитании миллионов трудящихся. Когда выявились некоторые постыдные факты пьянства, хулиганства, борьбы мелких самолюбив в писательской среде, — с какой тревогой и в то же время с присущей ему прямоотой и резкостью Горький заявил: «Считаю нужным поговорить о литературных нравах. Думаю, что это вполне уместно накануне съезда писателей и во дни организации союза их.

Нравы у нас — мягко говоря — плохие».

Разве эти слова не имеют прямого отношения к некоторым литераторам, вроде А. Сурова, которые запытали честь и достоинство советского писателя? Горький требовал от писателей высокой идейности, призывал их честно, целиком отдавая себя, служить народу, — и его гневные слова в канун Второго съезда писателей звучат суровым предостережением тем литераторам, которые оторвались от народа, от большого коллектива честных советских писателей.

Объясняя живучесть чуждых нравов среди определенной части литераторов, Горький подчеркивал: «У нас развелись матерые литераторы солидного возраста, солидно малограмотные, не способные учиться... Они числятся коммунистами, пребывая по уши в тине мешанского индивидуализма и в равнодушии ко всему, что не касается лично их персон».

Характерно, что многие сегодняшние ошибки, например ошибки Ф. Панферова, в значительной степени объясняются именно этими причинами. Горький, серьезно упрекая тогда еще молодого писателя за плохое знание литературного языка, за то, что он пишет непродуманно, небрежно, не способен или не желает учиться, предупреждал, что Панферов «слишком спешит достичь славы и чина протопопа от литературы». К сожалению, Ф. Панферов оставил без внимания эти предостережения.

Какие задачи Горький выдвигал перед Первым съездом литераторов? Какие цели ставил перед будущим Союзом писателей? По мысли Горького, предстояло охватить интересы всей советской литературы, направить творческую деятельность писателей, организовать всесоюзную литературу, как единое целое, всемерно укрепляя и расширяя связи с писателями братских республик. Многие в этом направлении сделано. У нас создана единая многонациональная всесоюзная литература, о которой Горький говорил на Первом съезде. Но в деятельности самого Союза писателей, задуманного как творческая организация, бюрократические методы работы часто еще одерживают верх, нет еще по-горьковски требовательной заботы о судьбе каждого члена союза, недостаточна идейно-воспитательная работа.

Суждения Горького о писательском труде, о мастерстве писателя всегда проникнуты непримиримостью ко всяческому попыткам снижения качества литературы. О чем бы он ни писал — о пользе грамотности для молодого литератора, о темах новых книг, об изучении классического наследия или о торопливом, поверхностном сочинительстве, — он всегда напоминал об огромной ответственности писателя перед народом, о возросших культурных запросах многомиллионного читателя, о том, что у нас, в стране Советов, литература призвана к делу всемирной важности.

Горький решительно возражал против неряшливых, небрежных, наскоро написанных произведений прозы, упрощенно изображающих наших людей; против сереньких, «жестяных» стихов, в которых медит, нет серебра и они не звенят и не поют; против пьес, которые оказываются значительно ниже нашей величественной и прекрасной эпохи, отличаются грубой шаблонностью характеристик. Он звал писателей рисовать яркие, резко определенные типы, показывать их в действии, в бесконечных столкновениях между собой, вводить в литературу сильные страсти, звал честно относиться к слову, не засорять наш богатый, крепкий, сочный литературный язык нелепыми словосочетаниями.

Ведь языковая, лексическая малограмотность, предупреждал он, всегда сопряжена с малограмотностью идеологической.

Ему были дороги произведения, ярко показывающие положительные стороны нашей действительности, живые ростки нового и людей — творцов этого нового, произведения, авторы которых не только хорошо знают материал, но и любят его, любят его им.

Отвечая однажды на упреки своих корреспондентов, он писал: «Кое-кто из товарищей поняли меня так, как будто я советую писать только о хорошем, только о тех достижениях рабоче-крестьянской власти, которыми она может вполне законно гордиться... Нет, писать о плохом необходимо». Но излишне пристальное внимание к ошибкам, преступлениям и всякой грязи — напоминал Горький — мешает писателю видеть черты нового в окружающем мире, передать дух героизма, тогда как сама наша действительность героична. Ограниченный подход к нашей действительности и породил за последнее время в нашей драматургии целый косяк псевдоразоблачительных, фальшивых пьес. Их авторы, смешивая случайное и несущественное с коренным и типическим, грубо искажали жизнь советского общества.

Эти и многие другие недостатки нашей литературы порождались в одних случаях халтурным, спекулятивным подходом недобросовестных авторов к явлениям действительности, а в других — слабым знанием и пониманием жизни. Вот почему и сегодня, готовясь к съезду писателей, производя смотр достижениям и недостаткам нашей литературы, надо помнить совет Горького писателям — искать вдохновение и материал в широком бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, «жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи», воплощенной в рабочем классе. Ведь только так, путем глубокого изучения и осмысления явлений действительности, активного вторжения литературы в жизнь, и рождаются произведения большого искусства.

Знание жизни, умение вглядываться в прошлое и настоящее с высоты наших сегодняшних успехов, с высоты великих целей будущего, — вот необходимое требование горьковской эстетики. «Эта высокая точка зрения, — писал он, — должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм».

История литературы знает имена гениальных писателей, за которыми утвердилось почетное имя «властителей дум» нескольких поколений. Но только немногим дано было стать еще и собирателями, организаторами литературы, возглавить на протяжении ряда лет ее развитие, ее рост. Даже и среди таких писателей Горький — явление исключительное. Как никто другой, Горький умел пестовать нашу литературу, печалиться ее неудачами, радоваться ее достижениям. Успехи литературы были для него выражением общих гигантских успехов нашей страны, расцвета социалистической культуры, духовного роста наших людей. Профессию литератора он ставил необычайно высоко, гордился этим званием. Вот почему в дни подготовки ко Второму съезду писателей нельзя не вспомнить его проникновенные, от души идущие слова: «Хорошо быть литератором в эти дни возрождения трудового народа к новой жизни, в годы строительства новой культуры».